

Федеральная служба исполнения наказаний
Вологодский институт права и экономики

ИСТОРИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В XX ВЕКЕ

**Сборник материалов
международного научного семинара**

Места лишения свободы Вологодской области накануне и в годы Великой Отечественной войны

*В.Б. Конасов – профессор кафедры философии и истории
Вологодского института права и экономики ФСИН России,
доктор исторических наук, почетный работник
высшего профессионального образования РФ*

Вологодская область была образована 23 сентября 1937 г. По состоянию на 1 января 1941 г. ее площадь составляла 150 тыс. кв. км. В 43 сельских районах и 13 городах проживало 1 662 258 чел., в том числе сельских жителей – 1 377 277 чел., городских – 284 981 чел.¹

Областное управление НКВД возглавил С.Г. Жупахин, которого на этот пост рекомендовал лично нарком внутренних дел Н.И. Ежов. В октябре 1943 г. в штате УНКВД Вологодской области был сформирован отдел исправительно-трудовых лагерей (телеграфный код «Вершина», почтовый адрес – г. Вологда, п/я № ОЕ-256). На начало Великой Отечественной войны в области функционировали Череповецкий ИТЛ, Вытегорский ИТЛ, Шекснинский ИТЛ, Опоцкий ИТЛ и Знаменитлаг.

Численность заключенных в Череповецком лагере и в его отдельных лагерных пунктах на 1 января 1939 г. составляла 5107 чел., на 1 января 1941 г. – 6258 чел.² Из этого количества более 4800 чел. содержались в Череповецком лагере, командовал которым капитан госбезопасности А.И. Хархардин. Основным объектом применения труда заключенных являлось строительство Череповецкого металлургического завода. Кроме того, заключенные труди-

¹ См.: СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 01.01.1941 г. М., 1941. С. 40–42.

² См.: Белова Н.А. Деятельность мест лишения свободы на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны // 1941–1945: уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вологда, 2005. С. 95.

лись на прокладке железных и грунтовых дорог областного подчинения, водопровода, возведении жилья. Их труд использовался на лесозаводе, в собственном сельском хозяйстве лагеря.

Вторая половина 30-х гг. – это время эволюции системы мест заключения в условиях становления централизованной плановой экономики. К 1939 г. Вологодская область становится испытательным полигоном Главного управления лагерей гидротехнического строительства НКВД СССР (ГУЛГТС). Начальником главка с сентября 1940 г. по октябрь 1941 г. был старший майор госбезопасности Я.Д. Рапопорт. Самым крупным лагерем ГУЛГТС в Вологодской области был Вытегорский исправительно-трудовой лагерь. Он был организован по приказу НКВД СССР за № 0440 от 11 октября 1940 г. Возглавил лагерь майор госбезопасности П.В. Чистов – опытный руководитель, награжденный орденом Ленина и орденом «Знак Почета». На момент возникновения Вытегорлага в нем насчитывается 10 253 заключенных, на 1 января 1941 г. их было уже 14 643 чел., а на начало Великой Отечественной войны – 34 738 чел.¹

Большая часть заключенных прибыла к месту основного производства, то есть на строительство Волго-Балтийского водного пути, из Самарского исправительно-трудового лагеря. Среди оказавшихся на Вологодской земле было, по нашим подсчетам, не менее 15% осужденных по политическим мотивам. Особенно высокий процент осужденных за контрреволюционные преступления зафиксирован среди инженеров, техников, прорабов, специалистов различного профиля. Люди прибывали в Вологодскую область, необжитые северные края, проделав путь длиною в тысячу километров. Жили в палатках, строили бараки для себя и новых партий заключенных. В декабре 1940 г. весь прибывший контингент располагался на семи участках (район № 1, 2 и т.д.) вдоль будущей трассы канала. Район № 7 с центром в Оште имел особую задачу: к середине 1941 г. следовало протянуть линию электропередач от станции Свирь-3 до села Карданга Вытегорского района. Этот стройучасток был укомплектован бесконвойными заключенными, поскольку организовать охрану на протяженной лесной трассе, где люди работали небольшими бригадами, было крайне сложно².

Планы по строительству Волго-Балта были крайне напряженные: навигацию 1943 г. предполагалось открывать уже по новому каналу. В план 1941 г. была заложена сумма в 350 млн руб. Однако начавшаяся война заставила пересмотреть сроки осуществления проекта.

Приказом НКВД № 0440 от 11 октября 1940 г. был организован Опоковский ИТЛ, его начальником назначили старшего лейтенанта госбезопасности З.С. Салтанова. На реке Сухоне было решено создать два гидроузла, один из них Опоковский в районе деревни Пороги Великоустюгского района. В ноябре того же года начались подготовительные работы, строились землянки,

¹ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Огрохина, А.Б. Рогинского. М., 1998. С. 198–199.

² См.: Спивак Т.О. Письма из прошлого. Вологда, 2004. С. 50.

завозилась рабочая сила. К январю 1941 г. на Опокстрое было уже 1 123 заключенных. К концу марта работы были выполнены только на 44%. Причины срыва планового задания самые обычные для «строек социализма»: необеспеченность стройматериалами и транспортом, несвоевременное поступление проектной документации, низкая квалификация подневольных рабочих. С началом войны строительство было приостановлено¹.

Второй гидроузел на реке Сухоне, в 8 км от Кубенского озера, решено было реконструировать в районе деревни Шера Сокольского района. Именно реконструировать, так как плотина, дамба и деревянный шлюз для прохода судов были построены еще в 1916–1917 гг. Начальником Знаменитлага был К.К. Квесик. Реконструкция гидросооружения была законсервирована в связи с началом Великой Отечественной войны².

Наконец, Шекснинский ИТЛ был создан 11 октября 1940 г. Начальником лагеря был назначен капитан госбезопасности В.Д. Циплаков. Перед ним была поставлена задача по строительству Волго-Балтийского водного пути на участке оз. Белое – Рыбинское водохранилище³. Однако до самого начала войны заключенные в этот лагерь так и не прибыли; помещения, выделенные под бараки, пустовали. В августе 1941 г. пустующие бараки будут переданы под госпиталь, принимавший бойцов Ленинградского фронта.

17 ноября 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором осуждались необоснованные аресты, необъективное ведение следствия, практика строить обвинение только на признательных показаниях. Однако ответственность за все это возлагалась на пробравшихся в органы НКВД и прокуратуры «врагов народа» и шпионов иностранных разведок, которые «сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы... создавали с провокационной целью “дела” против невинных людей». Одновременно постановление накладывало запрет на производство массовых операций по выселению граждан, восстанавливался прокурорский надзор за следствием и дознанием⁴.

Через восемь дней, 25 ноября 1938 г., с поста наркома внутренних дел был снят Н.И. Ежов. На его место пришел Л.П. Берия. Заботясь о своей карьере и личной безопасности, прокурор СССР А.Я. Вышинский организовал серию проверок соблюдения законности в местах лишения свободы. Уже 27 декабря 1938 г. он направил в адрес И.В. Сталина и В.М. Молотова письмо № 430-сс, в котором говорилось о серьезных преступлениях, совершенных сотрудниками УНКВД Вологодской области. Дополнительная проверка дала основание Вышинскому направить 1 февраля 1939 г. в адрес высокопоставленных лиц еще одно письмо с грифом «совершенно секретно». В этом по-

¹ См.: Опокстрой / Публ. А.Р. Дунаевой, М.Б. Железновой // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вологда, 1995. С. 340.

² См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 259.

³ См.: Там же. С. 512–513.

⁴ См.: Курицын В.М. История государства и права России. 1929–1940. М., 1998. С. 220.

слании приводились факты вопиющего беззакония, которые творились в исправительно-трудовой колонии № 14. Так, начальник Белозерского оперативного сектора УНКВД лейтенант госбезопасности И.Т. Власов имел задание по выявлению среди заключенных лиц, занимающихся контрреволюционной деятельностью. Не отягощая себя рутинной работой, Власов встал на путь подлогов и фабрикаций фиктивных дел. В колонию Власов и его подчиненные сержант госбезопасности Е.А. Воробьев и старший лейтенант чекист запаса И.А. Емин прибыли под видом медицинской комиссии. Отобрали 100 заключенных и составили подложные протоколы допросов, содержащие признания ничего не подозревающих людей в совершении тягчайших государственных преступлений. Затем обвиняемым предложили своей подписью удостоверить якобы подготовленные комиссией «свидетельства о болезни» (на самом деле они расписывались на бланке протокола допроса). Сфабрикованные дела были переданы на рассмотрение «тройки» УНКВД по Вологодской области, которая приняла решение о расстреле всех 100 чел.¹

Далее в сообщении Вышинского говорилось о том, что начальник Белозерского районного отдела НКВД сержант госбезопасности С.П. Портного и его сотрудники «во время допросов доходили до изуверства», пускали в ход «всевозможные пытки». В процессе таких «допросов» четверо заключенных были просто-напросто убиты. Начальники 3-го и 4-го отделов УНКВД по Вологодской области старшие лейтенанты госбезопасности Лебедев и Проскуряков, выполняя приказ НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. «Об операции по репрессированию членов Польской военной организации в СССР», не мудрствовали лукаво. Они арестовали граждан, имевших нерусские фамилии, оперативно сфабриковали дела и передали их на рассмотрение тройки УНКВД по Вологодской области. Действия самой этой «тройки», несомненно, посвященной в то, как добывались массовые признания обвиняемых, Вышинский назвал преступными.

Затем прокурор СССР информировал руководителей партии и государства о необходимости ареста названных лиц и ряда других сотрудников НКВД. Главных нарушителей законности, таких как Власов, он предлагал расстрелять, остальных – приговорить к длительным срокам лишения свободы. Наконец, Вышинский информировал Сталина и Молотова о том, что за участие в антисоветском заговоре взяты под стражу начальник Вологодского УНКВД С.Г. Жупахин и областной прокурор М.С. Дрожжин². В мае 1940 г. И.Т. Власов, И.А. Емин, Е.А. Воробьев, С.П. Портного и В.Д. Овчинников предстали перед судом Военного трибунала. Первые трое были приговорены к расстрелу, двое других – соответственно к 10 и 5 годам лишения свободы.

¹ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. Т. 1. С. 331–333.

² См.: Там же.

22 июня 1941 г., в первый день войны с фашистской Германией, вышла директива НКВД СССР № 221, запрещающая освобождать из мест заключения всех осужденных за «контрреволюционные преступления». Им отводились отдельные зоны с усиленным режимом содержания¹. В тюрьмах и лагерях, над которыми нависла угроза быть захваченными противником, начались расстрелы политических заключенных. Рядовые сотрудники пенитенциарных учреждений НКВД, как правило, безоговорочно верили в то, что «враги народа» немедленно переметнутся к немцам и станут опасными для Красной армии. В ряде случаев заключенных, отбывавших срок за контрреволюционные преступления, ликвидировали уже в ходе эвакуации в тыл, если поблизости находился противник.

Крайне сложно проходила эвакуация заключенных из мест лишения свободы в Вологодской области. Их перевод в другие исправительно-трудовые лагеря был вызван двумя основными причинами. Во-первых, 28 июня 1941 г. по решению правительства были приостановлены все долгосрочные проекты, в том числе связанные со строительством гидротехнических сооружений. Среди шестидесяти подлежащих консервации объектов были все исправительно-трудовые лагеря Вологодской области. Второй причиной, вынудившей наркомат внутренних дел приступить к эвакуации заключенных, было стремительное продвижение немцев и финнов к северо-западным границам Вологодской области, объявленной на военном положении еще 22 июня 1941 г.

Начальник Вытегорлага капитан госбезопасности В.Н. Честных, в распоряжении которого находилось почти 38 тыс. заключенных, получил распоряжение об их передислокации в тыловые районы страны через месяц после начала войны. «Бланков» (так именовался в телеграммах лагерный контингент) приказывают отконвоировать в Челябинскую, Молотовскую, Омскую области, Коми АССР. В депешах за подписью заместителя наркома внутренних дел В.В. Чернышева звучит предупреждение: «Форсируйте отправку»².

В начале августа 1941 г. для отправки 5800 заключенных из Вытегорлага в лагерь Куйбышевской, Молотовской, Омской и Челябинской областей требовалось 296 вагонов. Однако Северная железная дорога выделила только 243 единицы порожняка. В первую очередь начальник ГУЛАГа В.Г. Наседкин приказал эвакуировать заключенных, имеющих навыки работы в качестве арматурщиков, слесарей, сварщиков, кузнецов и металлистов³. Для отправки слабосильных заключенных и женщин мест в эшелонах, увы, не нашлось. Позднее их передали в лагерь Волгостроя.

20 августа 1941 г. В.Н. Честных получает телеграмму заместителя наркома внутренних дел А.П. Завенягина следующего содержания: «Для выпол-

¹ См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 158.

² Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. Вологда, 1994. С. 49.

³ См.: Архив УВД ВО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

нения производственного задания оборонного значения срочно отберите и направьте в распоряжение начальника Кемперсайского лагеря (5-й разъезд участка Кандагач – Орск Оренбургской ж.д.) 70 человек заключенных по специальностям: экскаваторщики, горные техники, горнорабочие»¹.

2 сентября 1941 г. начальнику Вытегорлага было приказано срочно направить в Омск этап из 1500 заключенных. На следующий день первая баржа с заключенными была отбуксирована в Шексну. Между тем вагоны для перевозки «бланков» были получены только 27 сентября. Скученность, спертый воздух в трюмах баржи, длительное ожидание порожняка, более чем скромный суточный паек и нарастающее на этой почве глухое недовольство заключенных заставляли впадать в панику, казалось бы, уже ко всему привычный вологодский конвой. Телеграмма на имя начальника Вытегорлага гласит: «В Шексне шесть суток стоит баржа с людьми. Дорога не дает вагонов. Запасы продовольствия на исходе». Лагерное начальство в свою очередь шлет отчаянные телеграммы в Москву, но центральный аппарат ГУЛАГа мало беспокоят трудности с эвакуацией заключенных, их настораживает приближение фронта, а потому: «Форсируйте отправку»².

Между тем дорога к новому месту назначения станет для многих заключенных дорогой на тот свет. Москва, разумеется, даже толику вины на себя не возьмет. В акте проверки, представленном заместителю начальника ГУЛАГа НКВД Г.П. Добрынину, говорится: «Приведенные материалы свидетельствуют, что к отбору людей в очередной этап Вытегорлаг отнесся преступно небрежно. Из 714 обследованных заключенных обнаружено с тяжелой формой пеллагры – 54, с умеренной формой пеллагры – 169, с резко выраженным истощением – 97, слабосильных – 262, цинготных – 88, дизентерийных – 69. За период с 20 августа по 11 сентября в дороге умер 31 человек, сдано в больницу пересыльного пункта 159, из которых 25 уже умерло»³.

Крайне тяжелое физическое состояние людей в ходе эвакуации имело далеко идущие последствия. Заболевшие в пути следования резко обострили эпидемиологическую обстановку в пунктах прибытия. В спецсообщении начальника Оперативного отдела ГУЛАГа Я.А. Иорша о заболеваемости и смертности в Кулойском лагере говорится: «Заключенные умирают, главным образом, в результате заболевания пеллагрой и гемоколитом. Установлено, что в сентябре 1941 г. среди заключенных, прибывших в лагерный пункт Обозерского отделения Кулойского лагеря, имелись больные гемоколитом из Вытегорского лагеря. Однако начальником лагерного пункта и начальником санитарной части Обозерского отделения мер к локализации болезни принято не было. Тяжелобольному заключенному Арахову в течение 6 суток не была оказана медицинская помощь. В бессознательном состоянии Арахов был доставлен в стационар, где через сутки умер. 13 ноября 1941 г. в стационар был доставлен тяжелобольной заключенный Кириллов. Кириллов был

¹ Архив УВД ВО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

² Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. С. 50.

³ Там же.

положен на пол, никакой медицинской помощи ему оказано не было. Спустя 30 минут после доставки в стационар Кириллов умер...»¹

Как уже говорилось, в самом начале Великой Отечественной войны были законсервированы строительные работы на металлургическом заводе в Череповце. Комиссию по расформированию лагеря, обеспечивавшего строительство завода, возглавил его начальник капитан госбезопасности А.И. Хархардин. Директору завода А.И. Мурзову было предписано распустить к 1 сентября 1941 г. весь управленческий аппарат. 2162 заключенных, осужденных за малозначительные бытовые преступления, были освобождены от наказания по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г. Правда, по этому же Указу они сразу были переданы в распоряжение городского военкомата и призваны в Красную армию. Часть заключенных Череповецлага отправляется в лагеря Архангельской области и Коми АССР на строительство Северной железной дороги, часть – на возведение укрепрайонов в район реки Березины². Их дорога к месту новой дислокации также протекала с большими трудностями.

Жертвы эвакуации ГУЛАГа не вошли ни в одну из «Книг Памяти воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны». Хотя сегодня вряд ли кто сомневается, что среди отправленных за колючую проволоку было немало оклеветанных, просто неугодных сталинскому режиму людей. Наконец, разве неправомерно считать жертвами войны узников ГУЛАГа, погибших при строительстве укрепрайонов в полосе линии фронта? Так, еще в июле 1941 г. несколько сотен заключенных из Череповецлага были отконвоированы в район Старой Руссы, где в это время шли ожесточенные бои с немцами. О судьбе 800 чел., отправленных 20 сентября 1941 г. из Вытегорлага на строительство полевых укреплений в Петрозаводск, остается только догадываться³. Столица Карелии оказалась в руках финнов 2 октября 1941 г. Заключенные вполне могли погибнуть и от рук неприятеля, и от рук конвоя, строго предупрежденного: распускать в экстремальной ситуации уголовников, «врагов народа» – расстреливать.

В июле 1941 г. на территории Вологодской области находилось семь общих следственных тюрем (в Вологде, Череповце, Великом Устюге, Устюжне, Тотме, Белозерске, Никольске), которыми ведал Тюремный отдел УНКВД, и одна внутренняя следственная тюрьма ГУГБ. В 51 камере этой тюрьмы города Вологды (Герцена, 12) содержались подследственные, признанные опасными и особо опасными государственными преступниками. Именно здесь находились 144 заключенных, приговоренных к расстрелу. Учитывая, что 1 ноября 1941 г. Л.П. Берия предложил И.В. Сталину считать вынесенные Военной коллегией Верховного Суда приговоры о высшей мере

¹ История сталинского ГУЛАГа. Т. 4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. С. 504–505.

² См.: Белова Н.А. Деятельность мест лишения свободы на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. С. 95.

³ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. С. 50.

наказания окончательными и не подлежащими обжалованию, то участь «врагов народа» была предпрешена¹.

Кроме тюрем, после вынужденного закрытия исправительно-трудовых лагерей, в Вологодской области продолжали функционировать колонии, отдельные лагерные пункты, пересыльный пункт в Вологде, областная больница для спецконтингента в Шексне. Уже в октябре 1941 г. во все эти пенитенциарные учреждения началось массовое поступление заключенных из других регионов СССР. Одновременно возникают новые пенитенциарные учреждения. В ноябре 1941 г. был создан Вожегодский лагпункт, который принимает в свои бараки больных и нетрудоспособных заключенных расформированного Беломоро-Балтийского исправительно-трудового лагеря².

Понижение норм суточного довольствия, невыносимые жилищно-бытовые условия, истощение скудных довоенных запасов одежды и обуви неизбежно вели к резкому ухудшению состояния здоровья заключенных, эпидемиям и, как следствие, открытому недовольству со стороны осужденных. Так, 7 декабря 1941 г. военный прокурор при Вологодском комитете обороны А.Н. Резанов подготовил докладную записку, свидетельствующую о безобразном содержании заключенных, прибывших из Ленинградской области в ОЛП № 27, дислоцировавшемся в Кубеноозерском районе. В докладной говорится: «Больные и здоровые заключенные содержатся вместе. Невероятная скученность, отсутствие бани привели к поголовной вшивости заключенных. Ни бытового (ведра, бочки для воды), ни кухонного инвентаря (кипяtilьники, котлы для кипячения воды) не имеется. Заключенные пьют сырую воду и едят снег. В качестве меры взыскания к заключенным применяется стойка на улице. Заключенные не имеют одежды и обуви. В результате значительно растет смертность (с 26 октября по 1 декабря умерли свыше 60 человек)»³. Далее в докладной записке сказано, что начальник ОЛП № 27 Косарев никаких мер по улучшению положения доверенного ему контингента не принимает, совершенно не заботится о нуждах людей. В ходе эвакуации заключенные по 4 дня не получали никакой пищи. В пути следования имели место массовые побегі. В довершение всего, Косарев понуждал вступать с ним в половую связь женщин, зависящих от него по службе⁴.

Не лучшим образом обстояли дела в 232-м отдельном рабочем батальоне. В батальоне насчитывалось 1200 эстонцев, не владевших русским языком. Это были люди, к которым у советской власти доверия не было. Дать им в руки винтовку или автомат не решились так же, как и оставить на территории, которая со дня на день должна была оказаться в руках немцев. В этой ситуации провели срочную мобилизацию и направили эстонцев в Вологодскую область, в лагерь Кушубы, где им поручили выполнять оборонные ра-

¹ См.: Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. С. 54.

² См.: Архив УВД ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 46; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 162–163.

³ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 80. Л. 103.

⁴ См.: Там же.

боты. Командир 232-го отдельного рабочего батальона капитан Н.С. Щапков 17 ноября 1941 г. докладывал председателю Вологодского комитета обороны П.Т. Комарову, что имеющиеся в его распоряжении 1200 человек выполняют нормы выработки только на 30%, в лучшем случае – на 80%. Причина такого положения дел лежит на поверхности. Нормы питания бойцов отдельного рабочего батальона с 1 октября 1941 г. снижены вдвое. Рабочий день длится 12 часов. Участились случаи дезертирства. Особенно остро стоит вопрос с обувью. Из-за отсутствия обуви в работе не участвует ежедневно до 130 человек. Уже сейчас, в ноябре месяце, наблюдаются случаи обморожения ног¹. «Работая 12 часов в день, без выходных, а теперь дотемна, – подчеркивает капитан Н.С. Щапков в своем донесении, – люди испытывают нехватку питания. Начинают собирать отбросы из помоек, крадут овощи с полей и картофель из кухни. Началось попрошайничество, участились случаи открытого недовольства питанием. Есть случаи дезертирства. Все эти случаи служат предвестником недовольства, могущего принять массовый характер»².

Одна из самых трагических страниц мировой истории – это судьба советских военнопленных. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г., инициатором которого был Сталин, объявил всех солдат и офицеров, оказавшихся в руках противника, предателями и изменниками Родины. Семьи красноармейцев, у которых сын, муж, брат, отец имели несчастье оказаться в плену, лишались положенного им денежного довольствия. Если же в плен попадал офицер или политработник, то его семья подвергалась аресту и отправке в северные лагеря. 28 декабря 1941 г. нарком внутренних дел Л.П. Берия подписал приказ № 001735 о создании специальных лагерей для военнослужащих Красной армии, побывавших в плену у противника или же в окружении. Было организовано четыре таких лагеря. Один из них – Грязовецкий в Вологодской области – принимал освобожденных из плена или же вышедших из окружения бойцов Ленинградского, Карельского, Волховского и Северо-Западного фронтов. Начальником вновь организованного Грязовецкого спецлагеря назначили капитана госбезопасности А.Ф. Боечина, начальником Особого Отдела НКВД – капитана госбезопасности Д.М. Никитина. Последнему предписывалось лично и через агентурно-оперативную сеть «организовать тщательную проверку содержащихся в лагере бывших военнослужащих Красной армии... Выявленных изменников Родине, шпионов и дезертиров подвергать аресту и дела на них представлять на Особое Совещание НКВД в установленном порядке»³.

Большая нагрузка выпала на Вологодскую тюрьму № 1 и пересыльный пункт в Вологде. Они принимали заключенных из других районов страны, которым угрожала вражеская оккупация. Были приняты осужденные из тюрем Кеми, Тихвина, Мурманска, Кандалакши и Кировска. Положение осложнялось тем, что только в 1941 г. около 1 тыс. сотрудников НКВД отказались от

¹ См.: ВОАНПИ. Ф. 3868. Оп. 1. Д. 1. Л. 232–234.

² Там же.

³ См.: Конасов В.Б., Акинхов Г.А., Судаков В.В. На стыке фронта и тыла. Вологда, 1999. С. 31–34.

брони и добровольно ушли на фронт. Доукомплектование штатов в местах лишения свободы осуществлялось за счет женщин, инвалидов войны, пенсионеров. Увеличение численности заключенных до 20 тыс. чел. привело к тому, что по приказу НКВД СССР № 00357 от 21 февраля 1942 г. Вологодский ОИТК (отдел исправительно-трудовых колоний) был преобразован в УИТЛК (управление исправительно-трудовых лагерей и колоний). Ему подчинялось 11 подразделений со штатом сотрудников 1617 чел.¹

23 июля 1943 г. по приказу НКВД № 0293 были вновь открыты Опоцкий исправительно-трудовой лагерь и Знаменитлаг². В задачу управления Опокстрой входило сооружение Опоцкого гидроузла в Великоустюгском районе на реке Сухоне. Жители из отведенной заключенным лагерной зоны (деревни Пороги и Прилуки) были переселены, их дома приспособили под хозяйственные и административные постройки. Заключенные проживали в бараках-землянках при свете керосиновых ламп³.

К началу навигации 1944 г. были закончены работы по реконструкции шлюза и плотины «Знаменитая». Все его сооружения перешли в ведение наркомата речного флота, а имущество, стрелки охраны и спецконтингент были преданы Опокстрою. В служебной записке начальника Опоцкого лагеря К.К. Квесика от 16 февраля 1944 г. говорится, что «все заключенные размещены в бараках, полуземлянках, сухих, теплых», что все они «одеты и обуты по сезону», а «качество пищи удовлетворительное». «Лучшим бригадам и звеньям, – говорится далее в адресованном в Москву послании, – вручаются красные флажки, премии»⁴. Однако на деле все обстояло не так благополучно. В одном из докладов читаем: «В начале 1945 г. заболеваемость и смертность среди заключенных имела большие размеры (больных на 01.01.45 г. было 1386 человек, или 57% ко всему численному составу лагеря, умирало до 25 человек в месяц)»⁵.

Разумеется, в годы Великой Отечественной войны увеличение смертности коснулось всех лагерей Советского Союза. Такая же ситуация наблюдается в учреждениях тюремного ведомства. В 1942 г. в тюрьмах Кировской области скончалось 22,7% от общего числа заключенных, Свердловской – 21,3%, Вологодской – (16,1%)⁶. Причинами летального исхода в отчетах названы туберкулез легких, острые желудочно-кишечные инфекции, простудные болезни, цинга и авитаминозы, брюшной тиф, дизентерия, сыпной тиф. Основную причину, повлекшую высокую смертность заключенных, начальство в своей документации старалось не называть. Между тем до предела урезанная норма продовольственного пайка, малокалорийная пища, отсутст-

¹ См.: Белова Н.А. Деятельность мест лишения свободы на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. С. 95.

² См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 259, 348–349.

³ См.: Опокстрой. С. 340.

⁴ Там же. С. 344–346.

⁵ Там же. С. 348.

⁶ См.: Базунов В.В., Детков М.Г. Тюрьмы НКВД-МВД в карательной системе советского государства. М., 2000. С. 24.

вие самых необходимых лекарственных препаратов и, как следствие, хроническое полуголодное существование вели к дистрофии и пеллагре. Именно они чаще всего провоцировали сопутствующие заболевания, которые в отчетах фигурировали как основные.

В Вологодской области в местах лишения свободы в 1941–1943 гг. содержалось до 40% заключенных из числа «врагов народа». С 1944 г. возобладала иная тенденция. Количество лиц, осужденных по ст. 58 УК РСФСР, начинает снижаться. На 1 апреля 1945 г. в колониях области и на пересыльном пункте в Вологде находилось 9036 чел. Из них осужденных за контрреволюционные преступления насчитывалось 2073 чел., или 22,9%¹.

Уменьшение процентного отношения «врагов народа» в тюрьмах Вологодской области имеет свое объяснение. По указанию Тюремного управления НКВД СССР за № 52/9273 от 27 апреля 1943 г. следовало к 1 июня 1944 г. всех осужденных направить в лагерь, где они могли бы быть полезными Родине, которая ведет войну с германским фашизмом. В частности, в Тагильский исправительно-трудовой лагерь из тюрьмы № 1 г. Вологды предлагалось направить 500 заключенных². Большинство из тех, кто был отконвоирован в Нижний Тагил, были осуждены за контрреволюционные преступления. По нарядам на стройки НКВД, дислоцировавшиеся в других регионах СССР, было направлено еще несколько сотен «врагов народа». Некоторые из отбывавших срок в вологодских тюрьмах за совершение контрреволюционных преступлений умерли. Известно, что режим содержания этих людей был достаточно суров.

После принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1943 г. «О мерах наказания изменникам родины и предателям и введении для этих лиц как меры наказания каторжных работ» Вологодская тюрьма № 1 пополнилась новой категорией заключенных – каторжниками. Однако каторжники – немецкие военнопленные и изменники Родины – здесь не задерживались. Их под усиленным конвоем переправляли в специальные отделения каторжных работ при Воркутинском, Карельском, Северо-Восточном и Норильском лагерях³.

По постановлению ГКО от 24 июня 1942 г. семьи изменников Родины, приговоренных к высшей мере наказания, подлежали ссылке в отдаленные местности Советского Союза сроком на 5 лет. Исполнение наказаний в отношении членов семьи указанных лиц возлагалось на учетно-регистрационные подразделения НКВД СССР. Они были обязаны, в частно-

¹ См.: Архив УВД ВО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 55. Л. 8. Процентное соотношение лиц, отбывавших наказание за контрреволюционные преступления, к общему количеству заключенных подсчитано автором.

² См.: Белова Н.А. Вологодские тюрьмы в карательной политике государства в 1930–1950 годы // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы научной конференции. Вологда, 2005. С. 206.

³ См.: Там же. С. 207.

сти, установить наличие в семье изменника военнослужащих Красной армии, партизан, орденосцев. Такие семьи высылке не подлежали¹.

3 марта 1943 г. вышел приказ наркома НКВД № 004, обязывавший тюрьмы, где был расстрелян изменник Родины, взять на себя «заботу о его близких» – арестовать их, а впоследствии отконвоировать в места лишения свободы. Так, 20 сентября 1943 г. была заключена под стражу и отправлена в тюрьму № 4 г. Череповца колхозница деревни Кузьмо-Демьянское Мяксинского района вместе с тремя малолетними детьми. Затем все четверо под конвоем были препровождены в Коми АССР. Основание: их муж и отец за попытку добровольно сдаться в плен врагу был осужден Военным трибуналом 55-й армии по ст. 58-1 «б» УК РСФСР и расстрелян².

В местах заключения Вологодской области, как и в других регионах СССР, были побеги, саботаж, создание преступных группировок, случаи неповиновения администрации. Так, в первом квартале 1944 г. из лагерей и тюрем бежало 5 осужденных, во втором – 12, в третьем – 35. Разумеется, число побегов объясняется не столько ослаблением режима содержания, сколько чисто сезонным фактором – шансов противозаконным путем получить свободу летом всегда больше, чем зимой³.

Что касается случаев саботажа и создания преступных группировок, то вот что говорит статистика за март 1944 г.: в лагерях, отдельных лагерных пунктах, колониях и тюрьмах Вологодской области по указанным фактам было возбуждено 27 уголовных дел, в том числе 7 групповых, на 57 человек. В ОЛП-13 в поселке Ковжа была раскрыта преступная группа, проводившая среди заключенных профашистскую агитацию. Ее возглавили бывший заместитель наркома просвещения Армянской ССР С.Н. Габриэлян и студент Тимирязевской академии А.К. Мазалов, ранее осужденные за распространение троцкистских взглядов⁴.

В борьбе за отстаивание своих прав заключенные порой находили сочувствие среди работников тюрем и лагерей. Так, в марте 1943 г. надзиратель Вологодской тюрьмы № 1 за нелегальную связь с подследственными заключенными был приговорен Военным трибуналом войск НКВД Вологодской области к пяти годам лишения свободы. Обратным примером служат происходившие в этой же тюрьме под руководством ее начальника Зайцева хищения государственного имущества и продуктов питания. Кстати, еще зимой 1941–1942 гг. по вине Зайцева, не обеспечившего достаточного количества дров, тюрьма перенесла тяжелейшую эпидемию сыпного тифа⁵. Организованная начальником преступная группа в течение 1943–1944 гг. сбывала на

¹ См.: Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. Волгоград, 2005. С. 53, 155.

² См.: Белова Н.А. Вологодские тюрьмы в период Великой Отечественной войны. Машинописная рукопись. С. 4.

³ См.: Там же. С. 7–8.

⁴ См.: Белова Н.А. Деятельность мест лишения свободы на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. С. 101.

⁵ См.: Базунов В.В., Детков М.Г. Тюрьмы НКВД-МВД СССР в карательной системе Советского государства. С. 25.

сторону топливо, распродала предназначенные для питания заключенных продукты и вещевое довольствие. Всего в результате преступной деятельности государственной казне был нанесен ущерб на сумму 500 тыс. руб. О моральной стороне этого дела, его негативном воздействии на заключенных говорить не приходится. Так или иначе, но все участники противозаконных хищнических операций были разоблачены и привлечены к уголовной ответственности¹.

К концу третьего квартала 1944 г. в пенитенциарных учреждениях Вологодской области содержалось около 13 тыс. чел. В четвертом квартале этого же года освобождено из мест заключения 1026 чел., а в первом квартале 1945 г. – 1409 чел. Наконец, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1945 г. было амнистировано по случаю победы СССР над фашистской Германией еще 4084 чел.² Однако эта амнистия не коснулась лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Последние из необоснованно репрессированных в годы военного лихолетья обретут свободу только в 1955–1956 гг.

Отдел исправительно-трудовых колоний УНКВД-УМВД Вологодской области (1944–1948 гг.)

*А.Л. Кузьминых – преподаватель кафедры
философии и истории ВПЭ ФСИН России,
кандидат исторических наук*

Одним из малоизученных вопросов истории репрессивной политики Советского государства является деятельность исправительно-трудовых колоний, входивших в систему территориальных органов НКВД-МВД СССР. В данной статье предпринята попытка рассмотреть деятельность данных учреждений на основе рассекреченной отчетной документации УНКВД-УМВД Вологодской области за 1944–1948 гг., находящейся на хранении в информационном центре Управления внутренних дел Вологодской области³.

Отдел исправительно-трудовых колоний (ОИТК) как самостоятельное структурное подразделение был сформирован в составе Управления НКВД

¹ См.: Белова Н.А. Вологодские тюрьмы в период Великой Отечественной войны. С. 9.

² См.: Белова Н.А. Деятельность мест лишения свободы на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. С. 101.

³ Обзор деятельности исправительно-трудовых учреждений Вологодской области в 1937–1945 гг. см.: Белова Н.А. Места лишения свободы на территории Вологодской области в предвоенные годы и период Великой Отечественной войны // Исправительные учреждения Европейского Севера России накануне и в годы Великой Отечественной войны: Сборник материалов научно-практического семинара. Вологда, 2005. С. 20–27.